

SALAKHOVA Valentina Borisovna, *Cand.Sci.(Psych.)*, Senior Lecturer of the Chair of Psychology and Pedagogy, Ulyanovsk State University (1, bld. 4, Universitetskaya Emb, Ulyanovsk, Russia, 432007; Valentina_nauka@mail.ru)
HAYRUDINOVA Reseda Irshatovna, postgraduate student of the Chair of Psychology and Pedagogy, Ulyanovsk State University (1, bld. 4, Universitetskaya Emb, Ulyanovsk, Russia, 432007; rezedx-90@yandex.ru)

PERSONALITY OF A CONVICT DURING SENTENCE

Abstract. The paper presents a theoretical analysis of the problem of correcting the convicted person during sentence, and problems of efficiency of methods for improvement and correction of convicted person.

Keywords: criminal-executive system of the Russian Federation, personality of convicted person, methods of criminal-executive system, resocialization

ИШКАЕВ Марат Равильевич – соискатель Южно-Уральского государственного университета (454080, Россия, г. Челябинск, пр-кт Ленина, 76; i-m-r@mail.ru)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ И СМЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ

Аннотация. Статья посвящена теоретическим проблемам сущности правовых запретов и ограничений, их классификации и соотношению с другими правовыми понятиями. Научная новизна статьи состоит в анализе доктринальных источников по указанной проблеме и в выводах автора, касающихся терминологии и содержания правовых запретов. Особое внимание уделено наличию правовых запретов в уголовном, административном праве, а также их отличию от абсолютных запретов, используемых вне правовой системы.

Ключевые слова: правовой запрет, правовое ограничение, дозволение, позитивное обяызование

Состояние современного российского общества и государства свидетельствует, что правовые нарушения получили широкое распространение во всех сферах их деятельности — экономической, политической, социальной, законодательной, правоприменительной. В связи с этим, как отмечает Т.Н. Радько, актуальность исследования охранительного потенциала права обусловлена не только чисто теоретическими, но и значимыми практическими проблемами, возникающими в процессе его реализации. Не вызывает сомнения тот факт, что от его эффективности зависит надежность и стабильность охраны и защищенности наиболее приоритетных общественных отношений, конституционного строя, общественного порядка, прав и свобод человека и гражданина, признанных в Конституции РФ высшей ценностью [Радько 2014: 13].

Правонарушения, как справедливо указывал И.Я. Дюрягин, тесно связаны с нарушением запретов, неисполнением обязанностей и злоупотреблением правом [Дюрягин 1989: 53]. На первом из этих негативных правовых явлений следует остановиться подробнее в связи со значительными изменениями, происходящими сегодня в общественной жизни в целом и правовой сфере в частности. Классическая работа С.С. Алексеева «Общие дозволения и общие запреты в советском праве», вышедшая в свет в 1989 г., несмотря на ее бесспорную научную ценность, глубину и тщательность проведенного юридического анализа, в настоящее время объективно не может дать ответы на все теоретические и практические вопросы, касающиеся правовых запретов [Алексеев 1989: 16]. Поэтому указанная проблема требует в настоящее время дальнейшего предметного исследования.

В целом юридическая фиксация асоциального поведения, по словам Л.С. Явича, является специфическим средством контроля общества над отклоняющимся от элементарных норм общежития деянием, оказывается инструментом сохране-

ния и развития самих условий существования соответствующих социальных связей, вне которых не может функционировать ни один способ производства, ни одна цивилизация вообще. Важно учитывать и то, что фиксация составов преступлений и других правонарушений, определение заранее мер ответственности способны до известной степени при иных благоприятных социальных условиях исключить личный произвол и ввести борьбу против нарушений правопорядка в официальные рамки, служить гарантией против злоупотребления властью и силой [Явич 1976: 134]. Каждая правовая норма предопределена соответствующими жизненными обстоятельствами (юридическими фактами), выявляет наиболее прогрессивные, приемлемые качественные характеристики; законодатель фиксирует их в гипотезах правовых норм в виде соответствующих правил, запретов, дозволений, предписаний.

В уголовно-процессуальном праве запрет – форма выражения содержания запрещающей уголовно-процессуальной нормы, указывающей участнику уголовного судопроизводства, а также иному лицу на недопустимость определенного поведения под угрозой наступления юридической ответственности. Запреты служат средствами воздействия на поведение людей в целях предупреждения недозволенных действий и поступков в сфере уголовного судопроизводства [Соловьев 2011: 9]. Запреты предусмотрены в 8, 42, 44, 54, 56-60, 189, 194, 302 и других статьях УПК РФ.

В юридической литературе предложена классификация запретов: среди них выделяются запреты общие, конкретные; абсолютные и относительные; запреты, адресованные должностным лицам и гражданам; предусмотренные в международных актах и в российском законодательстве.

Различия между общими запретами и близкими к ним с внешней стороны абсолютными запретами проводит С.С. Алексеев. К последним указаный автор относит запреты, касающиеся общественно опасных действий против личности, за которые установлена юридическая ответственность. Абсолютные запреты, по утверждению С.С. Алексеева, не выражают глубинную специфику права (в частности, потому, что напрямую не связаны с субъективными правами), они в силу требований социальной жизни (экономики и особенно морали) необходимы в социальном регулировании, и юридическая форма дает оптимальные возможности их закрепления. Более того, в силу своей «абсолютности», отсутствия каких-либо исключений из запретов, они в нормативном отношении имеют предельно общий характер. Однако абсолютные запреты не являются исходными и направляющими началами на том или ином участке юридического регулирования и тем самым отличаются от общих запретов.

Отдельного внимания заслуживает проблема соотношения правовых запретов и иных юридических явлений, в частности общих дозволений и правоограничений. В теории права принято выделять три основных способа правового регулирования: а) дозволение – предоставление лицам права на собственные действия; б) запрет – возложение на лиц обязанности воздерживаться от совершения определенных действий; в) позитивное обязывание – возложение обязанности к активному поведению. В них выражены правовые веления, исходящие от государства, в соответствии с которыми субъекту надлежит поступать. А.В. Малько отмечает, что «дозволение, запрет и позитивное обязывание – три кита, на которых базируется регулятивная мощь права...» [Малько, Игнатенкова 2009: 52].

Соблюдение как форма непосредственной реализации права характеризуется повседневным поведением субъектов в соответствии с юридическими запретами. Принято считать, что для нее характерно не активное, а пассивное начало в поведении индивидов: для соблюдения запретов достаточно воздерживаться от совершения действий, запрещенных нормативно-регулятивными средствами. Главная особенность этой формы реализации состоит в том, что она имеет всеохватывающий характер, касается каждого правоспособного субъекта, пронизывает все стадии и стороны правореализационного процесса, обслуживая и обеспечивая развитие правомерного поведения [Скударнов 2014: 107]. При этом с регулятивной стороны запреты выражаются в юридических обязанностях пассивного содержания, т.е. в

обязанностях воздерживаться от совершения действий известного рода. Всякий запрет в праве, как писал С.С. Алексеев, — юридическая обязанность.

В соответствии с указанной классификацией в зависимости от характера предписываемых правил поведения различают обязывающие, запрещающие и управомочивающие нормы права. Запрещающие нормы предусматривают запрет на совершение тех или иных действий. Как отмечает Р.В. Шагиева, деление норм права на обязывающие, запрещающие и управомочивающие носит весьма условный характер. Между обязанностями и запретами существует тесная логико-генетическая связь. Так, обязанность совершать определенное действие эквивалентна запрету бездействовать при указанных в норме условиях, а любому правомочию всегда сопутствует правовая обязанность (например, обязанность не превышать пределы необходимой обороны и запрет их превышения) [Шагиева 2014: 117].

Глубокое органическое, нерасторжимое единство с правовой стороны юридических дозволений и запретов подчеркивал С.С. Алексеев. Однако в отличие от общих дозволений, которые могут быть непосредственным критерием правомерного поведения, общие запреты, по его утверждению, не могут порождать непосредственные юридические последствия: они как таковые не могут быть непосредственным критерием неправомерного поведения. Во всех без исключения случаях значение оснований для определения неправомерности могут иметь только конкретные нормы — либо запрещающие, либо обязывающие и управомочивающие.

Лицо, которое соблюдает запрет, отмечает А.С. Скурданов, соотносит свое поведение с изложенными в диспозициях запрещающих норм требованиями, имеет полное право требовать этого же от других, что создает наиболее благоприятные условия для использования личностью своих прав и свобод. При этом соблюдение запрета протекает незаметно. Зная содержание запретов, можно по привычке или на основе осознанного отношения строить свое поведение в соответствии с ними. Однако соблюдение отдельных запретов, реализуемое при внутренней борьбе мотивов, может осуществляться даже болезненно для личности, но, так или иначе, внешне оно выражается в нарушении субъектом запрещающих норм либо в принятии запретов в качестве неуклонного руководства в своем поведении.

В правовой науке долгое время дискутируется вопрос о существовании особого способа правового регулирования — правового ограничения. С.С. Алексеев писал: «В литературе высказана мысль о том, что наряду с общепринятой “триадой” способов правового регулирования есть еще и четвертый способ — “правовые ограничения”». А.Г. Братко утверждал, что в отличие от запретов, которые указывают на юридическую невозможность определенного поведения, правовое ограничение «представляет собой не только юридически, но и фактически невозможный вариант поведения» и что поэтому «правовые ограничения в принципе невозможно нарушить» [Братко 1980: 117]. С этой точкой зрения не согласен С.С. Алексеев, справедливо отмечая, что ограничение прав — это вопрос не о способах, а об объеме регулирования.

Более широкое определение предлагает И.М. Приходько: «Правовое ограничение следует определить как правовое средство, направленное на удержание субъекта права в определенных рамках с целью упорядочения общественных отношений путем обеспечения интересов контрсубъекта» [Приходько 2002: 8]. Однако в данном случае, на наш взгляд, происходит размывание различий между правоограничениями и правовыми запретами.

Таким образом, правовые запреты — необходимое юридическое средство обеспечения высокой организованности общественных отношений, закрепления правовых ценностей, охраны прав и законных интересов личности — наряду с дозволениями и обязываниями являются значимыми регуляторами общественных отношений, призванными обеспечить эффективность реализации правовых норм. Теоретические проблемы, связанные с пониманием сущности правовых запретов, их соотношения с другими правовыми конструкциями имеют в настоящее время существенное научное и практическое значение и нуждаются в дальнейшем специальном юридическом исследовании.

Список литературы

- Алексеев С.С. 1989. *Общие дозволения и общие запреты в советском праве*. М.: Юридическая литература. 288 с.
- Братко А.Г. 1980. Запреты в системе способов правового регулирования. — *Вопросы теории государства и права. Государство, право и правопорядок развитого социализма: межвузовский научный сборник*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. С. 109-118.
- Дюрягин И.Я. 1989. О справедливости советского уголовного процесса. — *Справедливость и право: межвузовский сборник научных трудов*. Свердловск: Изд-во СЮИ. С. 51-63.
- Малько А.В., Игнатенкова К.Е. 2009. Способы правового регулирования деятельности органов публичной власти. — *Современное государство*. № 3. С. 52-56.
- Приходько И.М. 2002. *Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики)*: автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов. 26 с.
- Радько Т.Н. 2014. *Теория функций права*: монография. М.: Проспект. 172 с.
- Скударнов А.С. 2014. *Усмотрение в процессе реализации прав, свобод и обязанностей граждан (и их объединений)*: дис. ... к.ю.н. Челябинск. 211 с.
- Соловьев Д.Н. 2011. *Актуальные вопросы языкового выражения дозволений, запретов и предписаний в уголовно-процессуальном праве*: автореф. дис. ... к.ю.н. Уфа. 30 с.
- Шагиева Р.В. 2014. *Актуальные проблемы права*: учебное пособие. М.: Норма; Инфра-М. 192 с.
- Явич Л.С. 1976. *Общая теория права*. Л.: Изд-во ЛГУ. 274 с.

ISHKAEV Marat Ravil'evich, external doctorate student, South Ural State University (National Research University) (76, Lenin Ave, Chelyabinsk, Russia, 454080; i-m-r@mail.ru)

THE PROBLEM OF CORRELATION OF LEGAL PROHIBITIONS AND ALLIED LEGAL CONCEPTS

Abstract. The article is devoted to theoretical problems of the essence of legal bans and restrictions, their classification and their connection with other legal concepts. The scientific novelty of the article consists in the analysis of doctrinal sources on the specified problem and conclusions of the author concerning terminology and the maintenance of legal prohibitions. The special attention is paid to existence of legal prohibitions in the criminal, administrative law, and also to their difference from the absolute bans used out of legal system.

Keywords: legal prohibitions, legal restriction, permission, positive commitment